

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

рассказы

К БАБКЕ НЕ ХОДИ

Вкрадчивый стук в дверь не насторожил Александра Ивановича. Не отрываясь от бумаг, разложенных на столе, он устало бросил:

– Войдите...

Всего третью неделю молодой агроном Силаев исполнял обязанности главы сельской администрации – председателя сельсовета по-старому, – но уже совершенно выбился из сил.

Все началось в конце июня, когда “сверху” пришло распоряжение с обычной в таких случаях текстовкой: “в связи... освободить от занимаемой должности... в целях... назначить...” и так далее. Никто не поинтересовался, согласен ли он.

А теперь... Сенокосная пора пролетала с космической скоростью, сроки упущены, две недели небеса без перерыва низвергали дождь на несчастную силаевскую голову и подведомственные ей уголья. Первый “сухой” денек выдался лишь сегодня, но когда-то еще провянет напитавшаяся водой земля.

Дверь открылась широко, явно соперничая с широтой улыбки вошедшего. Вид он имел по меньшей мере необычный. Лет шестидесяти, но молодежавый. Сразу под жестким седым ежиком волос – кустистые брови, диким мхом нависающие над колкими глазами, стремительно снующими по лицу, то и дело норовя перескочить забор переносья и слиться в одно большое магнетическое око. Одет незнакомец был в застиранную серую куртку, которую по груди, на манер португали, перепопоясывал широкий ремень спортивной сумки. Старомодные джинсы подвернуты до колен, ноги босые и грязные, сандалии желтой кожи приторочены к сумке.

– Здравствуйте, – не сужая улыбки, посетитель размашисто шагнул к столу. – Вот. Нелегко к вам добратся, ох, нелегко, Александр Иванович. Дороги-то развезло, так я –

напрямки. Идешь, красотища вокруг – Русь, простор! Завидую вам, Александр Иванович, белой завистью завидую! В таких местах живете!

Силаев слушал, не решаясь перебить. Дело было к вечеру, и глава уже так устал, что даже не удивился ни появлению странного ходока, ни тому, что совершенно незнакомому человеку известно его имя-отчество. Не прояснялась пока и цель визита.

Быстроглазый товарищ вел себя совершенно по-хозяйски: шлепнул на стол сумку (сандалии при этом звучно чмокнули подметками, будто в ладоши хлопнули), схватил стул, развернул и прочно уселся верхом, скрестив чумазные лодыжки.

– В каком краю живем, Александр Иванович! Святая земля! Мы же с вами самые богатые в мире люди! Так неужто не хотим жить лучше?

– А в чем, собственно...

– Вот! Вот именно, к делу!

Посетитель резво вскочил, порылся в объемистой сумке, выудил толстую розовую папку и неожиданно углубился в ее изучение, будто выключился.

Помолчав с минуту, Силаев кашлянул:

– Простите, товарищ... э...

– Шипунов Евгений Олегович, – быстро включился посетитель и без паузы продолжил: – Возвращаясь к нашему вопросу, имею сказать следующее... Вы русский, Александр Иванович?

– Русский.

– Очень хорошо, – обрадовался Шипунов. – Так кому же, как не нам, русичам, радеть о благе земли отцов наших? – И он патетично воздел руки к потолку.

– Суть вопроса, – тон Шипунова стал деловым. – Так вот. Узнаете? Он выдернул из папки ксерокопию какой-то схемы и подвинул ее к Силаеву.

– Нет, – честно признался молодой глава, покрутив бумажку.

– Ну как вам не стыдно, Александр Иваныч! Это же план территории вашей администрации!

Силаев взглянул на стену, где висела карта его владений, и устыдился. Не очень, но похоже. Как он мог не узнать? Вот же населенные пункты обозначены, дороги, речушка...

– Вы, я вижу, человек образованный, – вещал Шипунов. – Я-то сам два института окончил. Так что в серьезности моих намерений не сомневайтесь – к бабке не ходи.

– К какой бабке? – не понял глава.

– Так, присказка... Вы знаете страну Швейцарию, Александр Иваныч? Правильно, маленькая такая страна. С нашу область размером. А о том, что там самый высокий уровень жизни, знаете? Казалось бы, не государство, а так – фитюлька, с чего бы у них этот самый уровень? Тяжелого машиностроения нет, полезных ископаемых – откуда? Даже земледелие на нуле – горы да луга. А как же уровень? Я вам отвечу. Туризм! Туризм – к бабке не ходи!

Странный посетитель забегал по тесному кабинету, стуча босыми пятками и размахивая руками.

– Теперь вернемся к нашим, извините, баранам. Чем мы хуже этой Швейцарии? Ничем не хуже, а, я вам скажу, лучше! У них что? Горные лыжи да солнечные ванны – и все. А у нас, как я уже говорил, места святые, чудодейственные! Вот, поглядите, – Шипунов вернулся к своей ксерокопии, – на территории одной только вашей администрации целых два святых источника!.. Здесь и здесь – крестиками отмечены... В районе их семь! А в целом по области – пятнадцать! Если считать маленькие. Вот.

На стол легла ксерокопия побольше, областная.

– Если их линией соединить... вот так... Что получается, видите? Православный наш получается крест! Думаете, проста? Не-е-т!..

– Так-так, и что? – заинтересованно спросил Силаев. Ему никогда не приходило в голову считать святые источники и уж тем более соединять их на карте. Слышал, что туда временами съезжаются какие-то паломники, но беспорядков от них не случалось.

Дважды образованный посетитель поворачивал дело в религиозную сторону, а Силаев, хотя и был не очень-то верующим, понимал, что к вопросам религии сейчас следует относиться осторожно.

– А то, что пора поднимать народ с колен! Наша область – уникальнейшая в мире, Богом избранная страна! Да-да, именно страна, и она вполне может содержать себя и, более того, процветать! За счет чего, спросите? Да благодаря туризму же! Нет, не завтра, конечно, – большая предстоит работа, но уже послезавтра к нам хлынут толпы паломников со всего света – к бабке не ходи!..

Шипунов откинулся на стуле и мечтательно зажмурил глаза.

Возникла тягучая пауза. Отчаянно стучала башкой в стекло большая черная муха. Слышалось, как тонко позванивали в шипуновской голове радужные грезы. Глава сельской администрации нервно постукивал карандашом по столу, недоумевая, почему он еще не выгнал сумасбродного товарища.

– Ну хорошо, а почему вы ко мне-то? – нарушил наконец тишину Силаев. – Вам, наверное, в район или даже в область надо.

– Рекламку пустим, – витая в облаках, бормотал между тем Шипунов. – Особо и врать-то не придется. А и приврать – грех не великий. Какое дело сделаем!..

Включался он так же неожиданно и мгновенно, как и улетал в небеса:

– Дорогой мой Александр Иванович, конечно, надо к губернатору, но откуда ж начинать-то, если не с низов? У соседа вашего я вчера был. Поняли, поддерживают. Вместе мы – сила!.. Я еще с народом поговорить хочу.

– Погодите-погодите, это сейчас вам собрать народ? – заволновался неопытный глава. – Боюсь, не получится...

– Получится, – лучезарно улыбнулся Шипунов. – Я по пути к вам прошелся по поселку и пригласил людей подойти к девяти часам... Слышите? Народ-то уже, пожалуй, собрался. Хороший у нас с вами, Александр Иваныч, народ!

За стенами конторы и вправду слышались голоса. Силаев тяжело встал из-за

стола, прихлопнул широкой ладонью уставшую уже муху и со вздохом посмотрел в окно.

На полянке перед зданием сельской администрации собралось человек двадцать самого разного возраста – от шкодливого пацана Васьки до деда Никитича, слывшего в селе чудачком. Они переговаривались по-деревенски, не снижая голоса, перебрасываясь нехитрыми шуточками.

– Иваныч, – донеслось из народа при появлении в окне главы. – Правда, что ль, курорт у нас делать будут?..

Шипунов выступал перед жителями села минут сорок. Все это время глава, будто загнипнотизированный, стоял на крыльце и напряженно всматривался в лица односельчан. Умного городского человека слушали молча, внимательно, вопросов не задавали.

Когда Шипунов закончил речь словами о бабке, к которой не ходи, народ улыбнулся, подождал и зашумел.

– А ведь верно дядька говорит! – кричал здоровенный рыжий малый, явившийся на сход почему-то с вилами. – Чем мы хуже? Мы что – негры? Хватит, покопались в грязи!

Он со всего размаху вонзил вилы в землю, будто винтовку со штыком, и продолжал орать:

– Туризмом будем жить! Я, к примеру, могу бар держать! Что, не смогу, что ль?

– Да, ты сможешь, – едко отвечала ему молодуха с козой на веревке. – Ты, Колька, сам в своем баре весь продукт и сожрешь, туристам не останется. Уж ежели кому бар давать, так это Савостихе. У ней патент на производство, – почитай, со всей округи мужики отовариваются.

Савостиха, услышав свое имя, приложила сморщенную ладонь к уху и проскрежетала:

– Чевой-то лектор говорит?

– А ничего не говорит, он уже все сказал. К бабке, говорит, не ходи – в бар за самогонкой ходи.

– Нету, нету самогону, – привычно заохала-заволновалась Савостиха. – Наговоры все. Годов двадцать уж не варю, как участковый оштрафовал..

Мальцу Ваське надоело бездейственно топтаться, он залез на забор, сорвал с себя рубаху и стал вопить:

– Даешь Швейцарию! Гитлер капут!

С забора баламута сдернули, но наказать не успели – умчался с гиканьем в луга. Бурное обсуждение продолжалось.

Энтузиаст, приобняв Силаева, глядел счастливым отеческим взором с высокого крыльца.

Прения затягивались и вообще выходили из-под контроля.

Глава очнулся, выступил вперед и командным голосом произнес:

– Тихо! На гулянках будете кости друг другу перемывать, а здесь – не балуй! Никитич, ты что скажешь? – обратился Силаев к старику в рыжей болоньевой куртке. За три недели правления он успел оценить дельность иных бормотаний чудачковатого ветерана.

Никитич переложил клюку из правой руки в левую, стащил с головы картуз и вытер им сухой морщинистый рот. Сельчане следили, затаив дыхание.

Старик откашлялся и тихо, себе под нос, сказал:

– Хлебушек надо сеить... Пропадем без хлебушка-то...

Он тяжело и долго посмотрел вбок, в поле, где уже наливался молодой колос...

Вечером вдоволь наговорившиеся сельские труженики разошлись по домам глядеть, как “Аншлаг” колбасится по Волге-матушке. Несгибаемый радетель отечественного туризма отправился на постой к Савостихе, Силаев позвонил главе соседней сельской администрации и рассказал о визитере.

– Сашка, он что, у тебя!?! – не дослушав, кричал сосед. – Гони этого проходимца в шею! Он вчера у меня был, так сегодня народ на работу не вышел, в Лихтенштейн хотят, понимаешь!..

– В Швейцарию, – поправил Силаев.

– Один хрен. Нам с тобой работать надо, о туризме пускай в столицах думают! А источники наши на то и святые, что грех за деньги их продавать..

Силаев аккуратно положил трубку. “Пропадем без хлебушка – к бабке не ходи!”

МОГИЛА

К середине сентября Белка занедужила, а двадцать четвертого утром околела. Как лежала последние дни возле печки, так и сдохла. Белка была стара, как сам Никитич, но старик думал, что помрет первым, и переживал: как же собака останется без него, одна? И вот...

Никитич бездумно сидел перед собачьим трупом. Сам не заметил, как задремал, просто выпал на время из пространства.

Очнувшись, топтался по горнице, шаркал стоптанными ботинками. Таким кружным манером добрался до чулана и, с трудом откинув крышку дедовского сундука, стал перебирать скарб. Свадебный костюм, женины платья и кофточки, невесть как затесавшиеся джинсы внука Вовки. Вещи Никитич разворачивал, долго и придиричиво оглядывал, вдыхая нафталиновый дух, снова сворачивал и складывал аккуратной стопкой. На дне лежала шинель, в которой с войны вернулся. Тогда, в июле сорок пятого, их роту переобмундировали, а через неделю приказ: по домам. В дороге из далекой Австрии шинель маленько, конечно, изнасилась, истерлась по теплушкам да попуткам, но, пролежав в сундуке следующие полсотни лет, была теперь точно новая.

Никитич встряхнул шинель, подумал немного и срезал острым ножом пуговицы. Сержантские погоны трогать не стал. Он завернул в шинель закоченевшую Белку и, тяжело ступая, понес ее в сад.

Никитич взял Белку озорным полуторамесячным кутенком у Славки-охотника с той стороны деревни. Сколь лет-то прошло? Пятнадцать? Нет, семнадцать. Как раз в сентябре, полгода как похоронил жену. Сын Серега тогда уже работал в городе.

Положив Белку промеж двух яблонь, старик вернулся к сараю за лопатой. Долго громыхал инвентарем, переставлял грабли, вилы, тяпки, поправлял висевшую тут же никчемную теперь конскую сбрую – лошади в его хозяйстве не было почтай лет тридцать. Наконец выбрал подходящую

лопату и вдруг всполошился, заторопился к оставленной без присмотра Белке.

Постояв немного, Никитич разметил контур могилы и неторопливо начал копать. Сентябрьское солнце, взобравшись на вершину горы, вконец обессилело и стремительно покатилося вниз, к горизонту, будто стремясь быстрее достичь края Земли и сбежать куда-нибудь в Америку...

Когда Серега с молодой женой перебрался из общежития в отдельную двухкомнатную квартиру, выделенную заводом, он позвал Никитича в город.

– Что ж ты, батя, будешь тут один, как сыч, жить? Посмотри, от деревни ничего не осталось – все теперь в городе. Цивилизация, прогресс... На месте не стоим...

– Не поеду, – отрезал Никитич. – Аннушка, мамка твоя, здесь, мои мать да дед с бабкой... И не один я – у меня вон Белка теперь есть. А еще, вишь, там, за ручьем, Макариха с Дашкой Марусиной живут, не делись никуда. Да и Славка-охотник неделями в хате старой своей... А ты говоришь...

В следующий приезд Серега пригрозил увезти его силой. Никитич только пуще заупрямился, обиделся. Потом у сына родился свой сын, приезжать Серега стал реже.

Копал Никитич усердно, истово, как молился. Поверху попадались толстые корни, перерубать их лопатой не было сил. Тогда он становился на колени и тюкал пружинистые деревяки топором. И снова вгрызался в землю, вспоминая, сколько перелопатил ее, родимой, на войне, отрывая всяческие саперные коммуникации и укрытия, копая другие могилы, чаще братские.

Поначалу края ямы не слушались, норовили осыпаться, но потом пошла глина, и могила стала обретать четкие прямоугольные очертания, становилась глубже и шире. Никитич, сам того не желая, копал могилу под размер человеческого, а не собачий.

Ровняя лопатой глиноземные стенки, он вдруг обнаружил, что яма глубиной выше пояса. Тут Никитич понял, как сильно устал, и присел на корточки в углу могилы,

даже не почувствовал, как земля с рыхлых краев потекла за ворот.

Приятно пахло сырой землей. Никитич сидел, с невеселым интересом глядя на снующих вокруг измочаленного топором яблоневого корня муравьишек. Мураши думали, что заняты каким-то важным и ответственным трудом, а на самом деле – так, суетились, таская туда-сюда свои бледные яйца из порушенного муравейника. Так и люди: мыкаются по свету, бегут куда-то, подгоняемые то радостью, то бедой...

Никитич уснул – голова его мотнулась на ослабевшей шее и уперлась в земляную стену. Путаясь в серых всклокоченных волосах, по голове побежали муравьи, которым до холодов нужно было успеть построить новый дом...

Давно уже покоится в земле Макариха. Дашка Марусина, не выдержав безлюдья, сбежала в город, к сестре. Славка-охотник спился и на охоту больше не ходит, а значит, и в деревне не показывается уже лет десять. Никитич недавно ходил, смотрел: хата Славкина – он и прежде-то хозяин был кое-какой – совсем обветшала, собаки, одичав, разбрелись по округе пугать ночную тишь волчиным воем. Остался Никитич в деревне один.

“Как сыч”, – говорит сын Серега. Он теперь шофером работает, возит городского начальника. Сын давно уже бросил уговаривать отца переехать в город, да и жилищные условия теперь, видать, стали тесные. Правда, приезжать стал чаще – в три недели раз. Серега получает за родителя в райцентре фронттовую пенсию и привозит ему еду: крупы, макароны и тушенку. Погреб у Никитича хороший – даже ливерная колбаса долго хранится.

Иногда летом сын привозит на неделю-другую Вовку. Никитич этому рад, но, беда, никак не может совладать с хмурым своим норовом, и внуку быстро надоедает гостить у деда. А что ж, мальцу уже пятнадцатый год – ему развлечения подавай. А где их взять в обезлюденой деревне?..

Пробудился Никитич от холода и тут же стал корить себя за недоделанную работу. Уже смеркается, а Белка так и лежит в шинельном саване непохороненная. Кряхтя и цепляясь за черенок лопаты, старик поднялся, как-то отстраненно подумал, что выбраться из могилы у него уже не хватит мочи, и принялся размеренно, будто в полусне, углублять страшную яму.

В следующий раз остановился, когда до края уже едва мог достать рукой. Выбрасывать вверх землю стало трудно. Сквозь безлистные уже яблоневые ветки в яму равнодушно смотрел змеиный глаз луны, тишина нарушалась только неясными шуршаньями на поверхности, за краями ямы, там, где все еще лежала Белка. Снова забеспокоился Никитич, зашарил скрюченными пальцами по земляным стенам. Разогнулся, насколько смог, даже на цыпочки привстал, нащупал наверху край грубого сукна и потянул к себе.

“Так и будем тут с моей Белкой, вместе”, – деловито рассуждал Никитич, изо всех сил таща сверток к краю ямы и отплываясь от летевшей в лицо земли.

Вдруг старик понял, что силы его покинули и больше не вернутся. Он сполз в могильный угол и неслышно заплакал. Светлые от луны слезы медленно ползли по небритым морщинистым щекам и прятались в глубоких складках на шее.

Белка так и осталась на полпути к своему последнему пристанищу

– Ты что удумал, старый?! – лохматый луч фонарика пробежал по стене ямы и уперся в скорчившегося в углу Никитича. – Сам себя похоронить решил? А ну-ка...

Серега за руку легко выдернул отца из могилы, поставил на ноги и, подхватив подмышку, поволок вниз, к хате.

– Я тебе продуктов привез... Днем времени не было, – приговаривал Серега, удобней перехватывая старика. – А ты тут похороны устроил... Я те дам похороны!..

Никитич семенил, спотыкаясь о корни, редко всхлипывая и шептал невнятно: – Белка сдохла... померла...